

СИНОЛОГ И ЭТНОГРАФ П.В. ШКУРКИН: ОБРАЗ ХУНХУЗОВ И ХУНХУЗНИЧЕСТВА В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ И МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ КОНТАКТОВ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ КИТАЯ В XIX-XX ВВ.¹

А.А. Забияко

Павел Васильевич Шкуркин [1868–1943] был тем исследователем, чей поначалу профессиональный, затем образовательный, научный и, наконец, художественный рост определили интерес и любовь к Китаю, китайскому языку, китайской культуре и китайскому национальному характеру. Эти психологические и культурные установки сформировали определенный модус научной и затем художественной рефлексии им инокультуры.

Шкуркин сам выучил китайский язык – вначале в процессе живого общения, затем осознанно в стенах Восточного Института г. Владивостока, закрепив все это в долгих путешествиях по Китаю. Во время летних каникул он не только совершал научные поездки в Китай, но и сам работал у китайцев – это «позволяло ему на практике оттачивать языковые навыки, а вместе с тем и познавать быт китайского народа»². Говоривший свободно по-китайски, Шкуркин изучил китайцев, быт и нравы самых разных социальных слоев Поднебесной досконально – об этом свидетельствует тематический диапазон его публикаций³.

У П.В. Шкуркина был богатый жизненный опыт и большой багаж путешествий по дальневосточным границам по их разные стороны – начиная со службы приставом в Приморье, помощником полицмейстера во Владивостоке и заканчивая преподавательской и писательской работой в Маньчжурии (речь идет, конечно, только о китайском периоде)⁴. Тому всемерно способствовали профессиональные интересы офицера-разведчика, обязанного разбираться в китайской военной тактике и стра-

¹ Публикация подготовлена в рамках работы по гранту РФФИ. Тема «Этнические миграции как фактор цивилизационных взаимодействий и социокультурных трансформаций в Восточной Азии (история и современность)», проект № 14-18-00308.

² *Хисамутдинов А.А.* Синолог П.В. Шкуркин: «Не для широкой публики, а для востоковедов и востоколюбив» // Известия Восточного института. 1996. № 3. С. 150–160.

³ *Шкуркин П.В.* По Востоку. Харбин, 1912; тип. КВжд, 1916; *Он же.* Официальный отчет по Гириньской провинции за 34-й год Гуан-суй (1908): Изд-во Штаба Приамурского округа, 1913; *Он же.* Японо-китайский конфликт (Доклад в ОРО [Обществе русских ориенталистов]) // Вестник Азии. 1915. № 34. С. 170–192; *Он же.* Исторические таблицы Китая в красках. Харбин, 1917; *Он же.* Справочник по истории Китая. Харбин, 1918; *Он же.* Китайские легенды. Харбин, 1921. И др.

⁴ *Хисамутдинов А.А.* Синолог П.В. Шкуркин: «Не для широкой публики, а для востоковедов и востоколюбив». Указ. изд. С. 150–160.

тегии, повседневных привычках. Большое значение имел и опыт полевого офицера, зачастую бок о бок воевавшего с китайцами – против японцев, либо с китайцами – против маньчжурских хунхузов. Вот что писала по поводу одного лишь случая встречи подразделения Шкуркина с хунхузским отрядом харбинская газета «Заря»: «При объяснении с бандитами г. Шкуркин проявил полное спокойствие, назвал себя, перечислил ряд имен бывших его учеников, объяснил свои цели и даже показал свою визитную карточку, сказав, что за 38 лет своей работы в Китае он подобного разбойного безобразия не видел. Хладнокровие обескуражило бандитов, а затянувшийся диалог свидетельствовал о воцарявшемся мире. Заметив растерянность разбойников, Шкуркин предложил сфотографировать их, что и выполнил Полумордвинов, запечатлевший на пленке товарища председателя историко-этнографической секции в компании двух разбойников...»¹.

Сильный, волевой характер П.В. Шкуркина, сложившийся благодаря семейной генетике и воспитанию, а также необходимости адаптироваться в суровых условиях дальневосточного фронта, сказался не только в его решительных поступках и мужественном поведении. По призванию Шкуркин был настоящим ученым – он глубоко погрузился в историю Китая и его литературную и фольклорную традицию. С самого начала своих вояжей вдоль приграничных земель, а затем в качестве сотрудника Общества изучения Маньчжурского края он собирал фольклорные материалы – корейские, китайские, маньчжурские, туркестанские легенды и сказки, мифологические нарративы, неотделимые от истории Китая. Как указывает А.А. Хисамутдинов, «вместе с известным востоковедом А.М. Барановым П.В. Шкуркин составил первую карту исторических периодов Маньчжурии. Ее достоинством являлось то, что она была основана на результатах последних археологических раскопок, которые вели члены Общества изучения Маньчжурского края. Этот труд так и не был опубликован и до недавнего времени хранился в музее Хэйлунцзянской провинции. Помимо этого, совместно с харбинским издателем М. Зайцевым Шкуркин напечатал карту Китая (1926–1927). Для читателей она была удобна в использовании, так как содержала большой индекс имен – на 21 странице»².

П.В. Шкуркин был прекрасным дипломатом и недурным человеком, потому умел налаживать личные контакты с китайским и маньчжурским населением, даже – с хунхузами. Его этнографические наблюдения за жителями Маньчжурии содержат ценнейшие с точки зрения науки наблюдения, проникнуты искренним интересом и симпатией по отношению к от-

¹ Научная экскурсия с приключением // Заря. 1926. 21 авг.

² Хисамутдинов А.А. Синолог П.В. Шкуркин: «Не для широкой публики, а для востоковедов и востоколюбив». Указ. изд.

дельному человеку – не просто представителю инокультуры, но соседу, проживающему бок о бок с русским человеком на территории дальневосточного фронта. Иногда такой человек поступает неожиданно для русского восприятия, но при этом – заставляет своими поступками посмотреть на мир с иной этнической точки зрения, осознать иную правду.

Для начала Шкуркин пробует себя в путевых очерках «По Востоку», написанных в 1906 и лишь только в 1913 опубликованных¹. В Предисловии он напишет: «События последнего времени в корне потрясли многие из древних устоев древнейшего в мире государства и невольно возбудили жгучий интерес в европейцах, так или иначе связанных с Востоком. Вот почему, не доверяя тенденциозным сообщениям дальневосточной прессы, я в 1906 году предпринял поездку по наиболее интересовавшему меня Восточному Китаю. Предлагаемые очерки – выдержки из путевого дневника, дополненные кое-где выдержками из малоизвестных или необнародованных китайских и английских источников. Заметки эти нарочно не систематизированы, а остались в форме дневника, чтобы читатель мог следить за путешественником и одновременно с автором получать впечатления от роскошной, вечно юной, цветущей природы Востока и от дряхлой, на наш взгляд, но такой же жизненной, как и природа, культуры Китая»².

Затем появятся художественные переводы китайских и корейских легенд³, сопровождаемые глубокими этнокультурными заметками: «Нужно всегда иметь в виду еще то обстоятельство, что китайские сказки в огромном большинстве случаев вовсе не являются плодом личного вымысла их авторов. Китайская сказка почти всегда представляет только иную группировку, пересказ в другой форме тех понятий и представлений, которые издавна живут в народе. Поэтому и отношение к сказке в Китае совсем иное, чем у нас: китаец почти [выделено авт.] верит в сказку и относится к ней всегда с известным почтением»⁴.

Следующим этапом формирования П.В. Шкуркина как ученого, имеющего вдобавок и писательские интенции, становится его обращение к художественной этнографии⁵. Его оригинальной темой и «козырной картой» становятся хунхузы – именно те, кто стал настоящим бедствием

¹ Шкуркин П.В. По Востоку // Записки Приамурского отдела Императорского Общества востоковедения. Вып. 11. Хабаровск, 1913.

² Шкуркин П.В. По Востоку. Указ. изд. С. 4.

³ Шкуркин П.В. Китайские легенды. Харбин, 1921.

⁴ Шкуркин П.В. Китайские легенды. Указ. изд. С. 3.

⁵ Об этом: Забияко А.А. Художественная этнография Дальнего Востока: советский и эмигрантский текст // Традиционная культура Востока Азии. Благовещенск, 2014. С. 270–290; Забияко А.А. От научных изысканий к художественной этнографии: В.К. Арсеньев, П.В. Шкуркин, Н.А. Байков // Забияко А.А., Забияко А.П., Левашко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. Монография / Под ред. А.П. Забияко. Благовещенск, 2015. С. 242–243.

для населения дальневосточного фронта и с российской, и с китайской стороны, и с кем пришлось ему самому бороться долгие годы сначала в Приморье в должности пристава и помощника полицмейстера, затем – в Маньчжурии. С этой проблемой Шкуркин был связан и опытом научной аналитики – для книги своего друга и единомышленника В.К. Арсеньева «Китайцы в Уссурийском крае» (1914) он перевел все китайские документы, на работу Шкуркина «Китайские азартные игры» Арсеньев ссылается в главе «Азартные игры»¹.

В середине 20-х гг. П.В. Шкуркин выпустит отдельные книги «Хунхузы: Этнографические рассказы» и «Игроки»² (хотя первая книга была готова еще в 1919 г.).

В предисловии к «Хунхузам» Шкуркин с самого начала продекларирует *этнографичность* своих историй, отказав самому себе в *беллетристичности*: «Предлагаемые рассказы не беллетристические: они не обработаны с внешней стороны, форма их груба, и изложение не удовлетворяет элементарным требованиям изящной словесности. Но зато все они взяты из жизни: *все рассказанные в них случаи списаны с действительности по возможности с фотографической точностью; это – негативы или протоколы.* <...> Рассказы эти разрешите назвать этнографическими»³ (курсив мой. – А.З.).

Очевидно, что писатель ясно понимал разницу между беллетристическим (художественным)⁴ и этнографическим (научным) текстом. Другое дело, что он недооценил те возможности, что дает фактографический этнографический материал *литературе*. Именно такой способ рефлексии и определяется нами как *художественная этнография*. Произведения П.В. Шкуркина – полноценное воплощение художественного этнографического повествования. Несмотря на заявленную во вступительной главе документальность и реалистичность в изображении образов китайских разбойников, автор нередко «замешивает» на основе жизненной правды *художественную рефлексия* хунхузничества, особого рода мифологизацию некоторых сторон жизни хунхузов⁵. Заодно с этим социокультурным явлением Шкуркин олитературивает свои наблюдения о национальных традициях жителей Северо-Востока Китая, художественно обрабатывает анализ соци-

¹ Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. М.: Крафт, 2004.

² Шкуркин П.В. Хунхузы: Этнографические рассказы. Харбин, 1924; Его же. Игроки: Китайская быль. Харбин, 1926.

³ Шкуркин П.В. Несколько слов // Шкуркин П.В. Хунхузы. Этнографические рассказы. Указ. изд. С. 483–484.

⁴ В более поздние годы, уже живя в Америке, Шкуркин обратится и к чистого рода беллетристике («История капитана Дагерти». Сан-Франциско: Изд-во Колумба, типограф. газ. «Русские новости», 1939. 58 с.).

⁵ Об этом: Дябкин И.А. Неомифологизм как этнорелигиозный феномен культуры дальневосточного зарубежья: Диссер. ... канд. филос. наук: 09.00.14. Москва, 2015. 186 с.

ально-политической обстановки дальневосточного фронта конца XIX – начала XX вв.¹

Несмотря на декларативный отказ от беллетризации, в тексте Шкуркина переплелись наблюдения за хунхузами (их обычаями, этическими нормами, религиозными взглядами, образом жизни, особым языком), мифологические приемы организации сюжета и новеллистичность. В этом Шкуркин пошел дальше первых опытов Байкова в области беллетризации. Но и модус художественного осмысления этнографического материала у Шкуркина был иной.

Он двигался к этнографизму через постижение китайской истории и мифологии, глубоко погружаясь в китайскую картину мира. Шкуркин подчеркивал: «Отнюдь не задаваясь целью написать историю Китая, я желал, по мере сил и возможности, познакомить русских читателей, в общих чертах, с некоторыми периодами истории Китая и его народа не только в освещении официальной китайской истории, но и на основании “дикий” истории, а также исторических рассказов и записок. Кроме того, вряд ли история какого-либо другого народа породила так много легенд и преданий, как история китайская. Отделить историю от предания или легенды иногда не так легко, а для цели, поставленной мною, этого и не нужно: наоборот, легенда часто служила для меня элементом, связующим несколько исторических эпох или моментов. Там, где исторические данные не сходились с легендой, я это разногласие не только не затушевывал, но, наоборот, подчеркивал»².

В отличие от Байкова, для которого хунхузы, в первую очередь – «двуногие хищники», «хищники тайги», «подонки рода человеческого»³, Шкуркин изучает это явление изнутри, вставая на позицию хунхуза не как представителя этносоциального типа, а как отдельного человека со своими индивидуальными душевными качествами, представляющего этнически определенный характер. Этот характер – плоть от плоти результат синкретического фронтального усвоения китайской и маньчжурской религиозной и этической традиции.

В результате появляется, например, рассказ «Как я сделался хунхузом». В нем писатель-исследователь предлагает нам одну из человеческих историй бывшего предводителя хунхузской банды – Юй Цай-туня: «Недавно мне пришлось познакомиться с *весьма интересным человеком* – командиром китайского полка, полк которого славится безукоризненной

¹ Об этом: *Забияко А.А., Дябкин И.А.* Образ разбойника в контексте «фронтальной мифологии» дальневосточной эмиграции // Символическое и архетипическое в культуре и социальных отношениях. Пенза-Прага, 2011. С. 170–181.

² *Шкуркин П.В.* Легенды в китайской истории. Харбин, 1922.

³ *Забияко А.А.* Религиозные традиции дальневосточного фронта в публикациях Н.А. Байкова 1901–1914 гг. // Религиоведение. 2015. № 1. С. 260–274.

дисциплиной и отсутствием проступков среди солдат. Это – высокий, худощавый мужчина с *симпатичным лицом*, которое делается иногда каменным и показывает необыкновенную твердость характера. Вместе с тем, как это ни странно, он *скромен* и даже *конфузлив*. Хорошо знающие его говорят, что он очень *добрый человек*, но *раб своего слова*, что однажды он сказал – того не изменит. Подчиненные *не только боятся его*, но *уважают и любят»*¹ (курсив мой. – А.З.).

Уже из описания Юй Цай-туня, в котором нет ни одной отрицательной характеристики, становится ясно, что речь идет не о закоренелом злодее, а о человеке, в первую очередь, интересном и симпатичном автору. Писатель предуведомляет: «История его представляет *один из типичных примеров того, как китайцы делаются хунхузами, как живут и промышляют хунхузские шайки*». Действительно, из рассказа мы подробно узнаем о том, как формируется хунхузское сообщество, каким образом организована нелегкая жизнь лесных разбойников, на каких принципах держится их социум.

Юй Цай-тунь прибыл в Маньчжурию из Владивостока, а туда попал из Шандуня. Писатель воспроизводит типичную историю пути миграции китайцев в Приморье в XIX – начале XX столетия. Здесь же Шкуркин от лица китайца рассуждает о возможностях, которые открыты русским и китайцам в условиях их тесного проживания в дальневосточных землях: «Людей у нас на родине много, а земли мало, да и плоха она, рабочие руки ценятся ни во что; а у русских – так говорили у нас – *каждый китаец с хорошей головой и здоровым руками в короткое время может составить себе капитал*, если только не будет играть в азартные игры или курить опий».

Именно последнее несчастье и постигло нашего героя, следствием чего стала куриная слепота, приведшая к более тяжким последствиям. Неизвестно, что было бы с наркоманом Юем дальше, «если бы *неожиданный случай не изменил его судьбу*»: за неосторожные движения старшина ударил его по лицу.

«Я не скажу, что я почувствовал, но я ни слова не сказал, и, пробравшись ощупью на свое место, я лег и пролежал без сна до утра.

С восходом солнца вернулось ко мне зрение. Я встал и стал прощаться с товарищами, говоря, что я ухожу. Те стали уговаривать меня остаться, но я ушел, бросив внесенный мною в дело пай и причитавшиеся на мою долю заработанные деньги, а их было порядочно.

Пошел я в лес, вглубь, в горы, куда глаза глядят. Без денег, почти без платья, без друзей и знакомых, нищий, шел я по тропе, сам не зная куда».

¹ Цит. по: Шкуркин П.В. Как я сделался хунхузом // Литература русского зарубежья. Восточная ветвь. Т. 1. Часть 3. Проза / Хрестоматия. Благовещенск, 2013. С. 234–241.

Он стал «независимым» («т.е. тем, что вы обыкновенно называете “хунхузом”») потому, что, не сумев простить нанесенное публичное оскорбление, жестоко расквитался с ударившим его по лицу старшиной артели. Вернувшись в артель, тем же самым заработанным у корейца американским топором Юй хладнокровно зарубил своего обидчика: «Лицо его развалилось на две стороны, и он без звука опрокинулся на кан. Я ударил его еще раз, и еще третий раз посередине тела и видел, как вывалились внутренности.

Все смотрели не шевелясь, и никто не сказал мне ни слова, когда я спокойно вышел из шалаша и опять, как и в первый раз, пошел куда глаза глядят.

Что мне теперь было делать? Я сделал то, что выбросило меня из общества людей. В работники мне уже идти нельзя...». При этом Юй подчеркивает, что иначе он не мог бы поступить, настолько органично его *естеству* было желание отомстить обидчику *за потерю лица* («толкала какая-то посторонняя сила...»).

Не углубляясь в этические рассуждения, Шкуркин фиксирует отличительные черты национального характера китайцев – мстительность и жестокость по отношению к обидчикам, удивительные для русского сознания в столь эмоционально ровном повествовании, но, очевидно, вполне понятные соплеменникам. Русский читатель погружается в мир абсолютно иных психоментальных установок, узнавая о:

готовности китайцев к тяжкому монотонному труду («целый день приходилось быть на ногах в снегу, в слякоти, с топором или пилой; свалишь дерево, нужно его очистить от сучьев, запрячься в веревочные лямки и тащить его через камни, пни и буераки к самой речке. Лошадей у нас не было – слишком дорого было их покупать. К концу дня иной раз так устанешь, что даже есть ничего не можешь...»);

отсутствию каких-либо отвлеченных душевных интересов, упорству и терпению в физических лишениях («теперь мне 37 лет, хотя на вид мне больше, – тяжелая жизнь быстро старит. Вы ведь отлично знаете, кем я был раньше, да я и не скрываю этого! Постоянное напряжение, непрерывные переходы, необходимость вечно быть начеку – по пять, по шесть дней невозможно было даже ул переобуть – все это даром не проходит...»);

способности к высокой степени самоорганизации (Юй целенаправленно и долго трудится, чтобы «вернуть лицо» и т.д.).

Шкуркин ненавязчиво отмечает и редкую национальную черту китайцев – умение поддерживать друг друга в беде и ценить дружбу. Эта тема затронута в рассказе о друге Юя, бывшем атамане, подарившем Юю двухэтажный дом: «– Возьми! Быть может, нам еще придется искать зимой крышу для отдыха. Мы – братья: ты всегда найдешь пристанище у меня; а я – я хочу быть уверенным, что найду угол у тебя!». Эти слова Юй

не забывал, они согревали его надеждой на поддержку в трудной ситуации со стороны друзей, но и стимулировали отплатить добром за добро.

Отдельно Шкуркин заводит разговор об умении китайцев быть благодарными – эта этнокультурная особенность, выделяющая китайцев среди других этносов Востока Азии и подтверждаемая многолетними отношениями с китайцами разных социальных слоев и разных иерархических статусов. Об этом писатель пишет в рассказе «Маньчжурский князек», этой теме посвящает рассказ «Старая хлеб-соль» – не случайно названном *русской пословицей*. В нем повествуется уже о русском десятнике и главаре хунхузской шайки, не забывшем о доброте «русской мадамы», жены десятника, в свое время вылечившей его, тогда простого рабочего:

«– Тебе помнишь Василя, что рука топор ломайла; другой десятник говори – твоя нельзя работай, – цуба Харбин! Тебе Марья говори – его Харбин ход – кушай нет, – помирай есть! Марья шибко хорошо лечи – один месяц Василий работай есть!

Десятник вспомнил – действительно был такой случай несколько лет назад, когда один из рабочих китайцев поранил себе руку. Китайца хотели рассчитать, но его жена заступилась за рабочего, и, приобретя кое-какие сведения о перевязках во время своей службы сиделкой в больнице, стала сама «лечить» больного. На ее счастье рука быстро зажила без особых осложнений; рабочий скоро ушел, и о нем все забыли.

– Смотри! – сказал хунхуз и протянул левую руку. У основания большого пальца тянулся большой шрам.

Тогда только десятник догадался, кого он видит перед собой, и сладкая надежда на спасение заставила забиться его сердце.

– Ну, – продолжил хунхуз, – бери твоя вещи и ходи домой. Скажи Марья – шибко хорошо! – и он опять отдал какое-то приказание своим подчиненным.

Через несколько минут десятник в сопровождении двух хунхузов-проводников пробирался через лесную чащу кратчайшим путем к своей конторе.

В тот же день вечером предводитель хунхузов потребовал в свою фанзу одного из конвоиров, сопровождавших десятника.

– Ты исправно доставил десятника домой? – сказал он.

– Да, исправно, – отвечал хунхуз.

– Почему же ты не доложил мне по возвращении? – уже строже спросил атаман.

– Мы только что вернулись, да-лао-е! – смутился тот.

– А как у тебя очутились часы десятника?

Хунхуз помертвел; из-за косого борта его куртки предательски высовывался кончик серебряного брелока в виде перекрещивающихся ружей

– тот самый, который висел на конце цепочки от часов у десятника.

– Мне... мне... подарил их десятник, – лепетал растерявшийся в конец хунхуз.

– А я что приказал?

– Да-лао-е, великий господин! Я виноват!

Через пять минут хунхуз был расстрелян, а на другой день какой-то китаец вызвал десятника из конторы, отдал отобранные у него накануне одним из его проводников часы и, рассказав все случившееся, быстро скрылся»¹.

Повествовательная организация произведений Шкуркина такова, что точка зрения на то или иное событие, оценка поступков героев выражаются не авторскими характеристиками, а либо через реплики рассказчика, либо в диалогических формах. При этом речь героев предельно реалистична, немногословна, зачастую замешана на русско-китайском пиджине. Автор интуитивно выбирает оригинальный способ «двойной этнической точки зрения»: его субъект повествования может одновременно представлять собой носителя двух типов ментальности, например, маньчжурской и русской. Так, рассказ «Маньчжурский князек» начинается следующим образом: «Далеко-далеко на северо-востоке, где-то за морем Бо-хай, находится неведомая, чудная, сказочная, но и страшная страна Маньчжурия, откуда вышла наша священная династия – да хранят ее боги!

Высокие горы вздымаются к небу; в одной из них на самой вершине, в глубоком провале, есть озеро, на дне которого живет князь-дракон, в громе и молнии взлетающий иногда на небо... Из других гор иногда вырываются столбы пламени, расплавленные камни, как вода, текут вниз, все сжигая на своем пути, и густая тьма, вырвавшись тучами из недр горы, черной адской сажей оседает внизу и покрывает землю на сотни ли (верст)...

Горы покрыты непроходимыми лесами, и в этих лесах растет таинственная волшебная трава орхой-да, или женьшень, способная влить новую жизнь больному телу. Но горе тому смельчаку, который, целыми месяцами разыскивая волшебный корешок и, наконец, найдя его, бросится тотчас вырывать его из земли, забыв от радости, что сначала следует помолиться и возблагодарить духов гор и владыку здешних мест – грозного амба-лао-ху! Тотчас неведомо откуда появится страшный лао-ху (тигр) со священным иероглифом – «ван» (князь) на лбу, и... Никогда уже никто из смертных не увидит больше на этом свете несчастного искателя корней.

Но если счастливцу удастся добыть хотя бы два-три корешка в лето

¹ Шкуркин П.В. Старая хлеб-соль // Литература русского зарубежья. Восточная ветвь. Т. 1. Часть 3. Проза / Хрестоматия. Благовещенск, 2013. С. 260–262.

– ему больше ничего не нужно: он может продать их дороже, чем на вес золота... Конечно, если не попадетя в руки надсмотрщиков, потому что выходить на опасный промысел без особых билетов нельзя: все добытые корни следует сдавать нашим милостивым фу-му-гуань – «отцу-матери подобным начальникам». Если же вышел без разрешения и попался – ну, так лучше было бы уж с тигром встретиться!»¹. Но дальнейшее повествование без всякого перехода ведется уже от лица одного из русских офицеров из дивизии генерала Р., участника «китайского похода» против «боксерского восстания», а затем – участника русско-японской войны.

Для чего Шкуркину понадобилось такое смешение и смещение точек зрения? Очевидно, для того, чтобы показать ситуацию начала XX в. на Северо-Востоке Китая изнутри и *сочувственно*, приняв ее как свою. Это было органично для картины мира этого ученого – «востоковеда и востоколюба». Например, он описывает начало восстания ихэтуаней: «Наступил 1900-й год. В Китае началось движение, известное у нас под глупым названием “боксерского восстания”. Желудок Китая судорожно сокращался, чтобы извергнуть насильственно попавшую туда неудобоваримую пищу – европейцев.

Генерал Вогак доносил из Тяньцзина о том, что не сегодня-завтра вспыхнет антиевропейское восстание; ему не верили. Он представил неопровержимые данные – Питер решил уже объявить его сумасшедшим, но генерал от переутомления и моральных страданий заболел воспалением мозга как раз в тот момент, когда началась уже резня и международный экспедиционный корпус двинулся от Таку к Тяньцзину и затем к Пекину.

Потянулись и мы на юг – начался китайский поход»². Проникновенная рефлексия Шкуркиным тяжелейших для Китая исторических событий неотделима от глубоких раздумий русского патриота о судьбе России и роковых последствий для нее тех самых событий. Шкуркин стал одним из первых писателей-исследователей, осознавших тесную связь исторических путей России и Китая, важность диалогических отношений двух этносов, взаимопомощи русских и китайцев.

Свою точку зрения он выражает при помощи органичного соединения житейского и мифологического сознания, реального и мифологического повествования, опираясь на сущностный принцип китайской картины мира – *мифологизацию истории*. Из его «этнографических рассказов» читатель может сделать вывод о близости многих черт душевного склада русских и китайцев: горячности и открытости, жестокости и при этом – отзывчивости, щедрости. Это – точка зрения человека, влюбленного в Ки-

¹ Шкуркин П.В. Маньчжурский князек // Литература русского зарубежья. Восточная ветвь. Т. 1. Часть 3. Проза / Хрестоматия. Благовещенск, 2013. С. 241–260.

² Шкуркин П.В. Маньчжурский князек. Указ. изд.

тай и китайцев, потому он отчасти субъективен. Но при этом он фокусирует внимание читателя на том позитивном начале, что русский человек может обратить во благо своих взаимоотношений с китайцами. Это – точка зрения русского человека дальневосточного фронта: патриота, офицера, готового защищать свою родину, но при этом открытого для этнокультурных контактов. Ученого, исследующего эти процессы в живой практике общения с представителями великой китайской цивилизации.

Взгляд П.В. Шкуркина на хунхузов и хунхузничества в контексте социокультурных трансформаций и межцивилизационных контактов на Северо-Востоке Китая в XIX–XX вв. (в первую очередь – контактов русских и китайцев, корейцев, маньчжуров) позволяет русским читателям не только увидеть изнутри хунхузский субэтнос и его социум как проекцию китайской картины мира в условиях дальневосточного фронта, но и обратить внимание на собственное прошлое, на собственные этнические установки, почувствовать основания собственной этничности.